

вало барокко, третьи, когда на переднем плане стояли классицизм, романтизм, реализм и т. д. Это сочетание национальных традиций (как бы сложны они ни были сами по себе) отдельной литературы с тем «общим», которое она заставляла в общеевропейском литературном движении в момент своего вхождения в последнее и которое она получала всегда в какой-то определенной национальной интерпретации, делает столь своеобразным путь литературного развития разных народов. Своеобразие увеличивалось еще и благодаря тому, что восприятие «нового», «общего» во многих случаях происходило не только от «главных» в тот или иной момент литератур, но одновременно и от — условно говоря — «второстепенных». Кроме того, хотя по мере развития европейских наций и их культур латинская школьная образованность утрачивала свое прежнее монопольное значение, однако авторитет античных литератур не падал, даже, напротив, повышался; и это приводило к тому, что все европейские литературы в течение XVI—XVIII вв. — одни раньше, другие позднее — обогатились переводами из римских и греческих авторов. Нередко при этом бывало, что переводы делались не прямо с оригинала, а с переводов на другие языки.

Особенностью развития литератур, вновь включавшихся в общеевропейское литературное движение, — если не всех, то, во всяком случае, многих, в частности русской, — было то, что они не ограничивались усвоением только того «нового», «общего», которое представляло «сегодняшний день» тогдашней литературы, но жадно, хотя и не без определенной доли случайности, стремились устранить свою отсталость с помощью переводов чужеземных произведений предшествующего периода. Поэтому, например, в русской литературе XVIII в., в особенности в рукописной ее части, наряду с переводами из французской, немецкой, английской, польской и других литератур XVIII же века мы находим переводы из тех же и других литератур XVII, XVI и даже XV вв.

Все это создает большую пестроту, сложность, многослойность литературного процесса вообще и специально русской литературы XVIII в. Судя о ней по наиболее известным произведениям и авторам, останавливая свое внимание на лежащих на поверхности связях русской литературы XVIII в. с современной ей французской и не учитывая всего остального материала, — главным образом из-за его необработанности, — литературоведы легко приходили к заключению, что в ней, — как (якобы) и во французской литературе XVIII в., — господствовал «единый и неделимый» классицизм, что «новая» русская литература началась с усвоения классицизма.

Но так ли это на самом деле? Не подменяем ли мы термином «классицизм» своеобразное национальное явление русской литературы, исходя из того, что она включилась в общеевропейское литературное движение тогда, когда во Франции господствовал классицизм?